

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1907**

Выпуски 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1907: Выпуски 1-4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 676 с.

ISBN 978-5-458-46810-7

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1907. Выпуски 1-4«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-46810-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

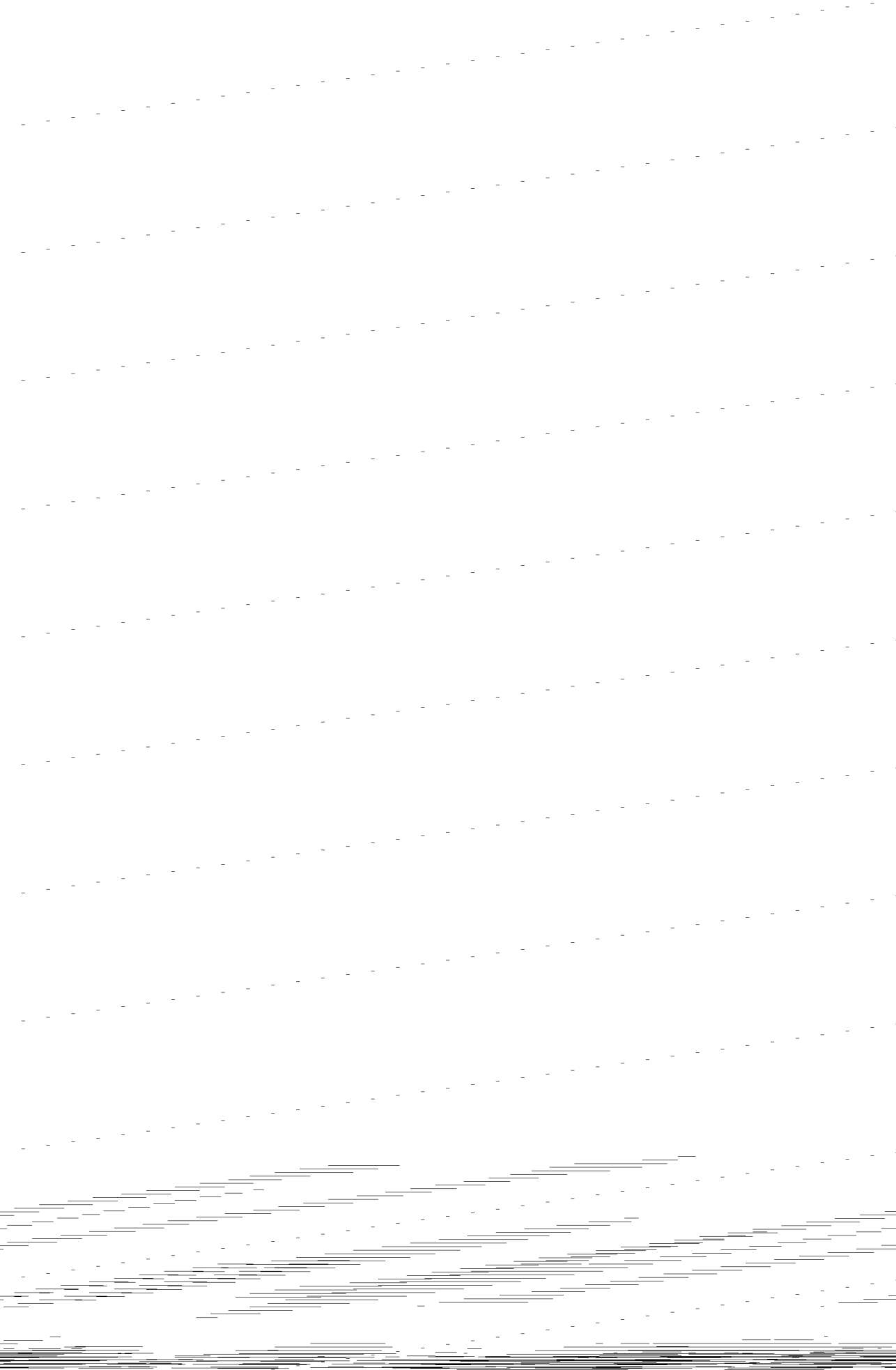
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОИ БРЕДНИ.

(Записки Александры Петровны Хвостовой)

Другу моему Ю. Бартеневу ¹⁾.

Тебѣ, другъ мой, посвящаю (если только заслуживаютъ посвященія) бредни мои. Не ищи въ нихъ слога: я пишу брызгомъ пера, какъ нибудь, когда нибудь, не успѣваю даже заботиться о правильности. Время, таща меня по терніямъ 71-й годъ уже, тяжелою ступнею затоптало способности мои прежнія. *Пьвецъ горестей*, я разучилась смѣяться, разучилась всему. Умѣя только помнить, любить, я рѣдко умѣю высказать сердце мое. Если ты здѣсь гдѣ нибудь съ нимъ встрѣгнешься, скажи ему—миръ тебѣ! Когда ты получишь тетрадь эту, оно будетъ уже спокойно.

Б а й р о н ъ.

Il faut que l'ennui ait fait bien des ravages dans cette âme; c'est qu'aussi de toutes les maladies des hommes la plus execrable, c'est l'ennui. Cette absence de tout avenir, de tout espoir, cet horizon limité, au delà duquel on ne voit plus ni passion, ni désastre même; c'est là un état si affligeant. Lord Byron est mort de cet ennui. (Jules Janin, Contes nouveaux. Lord Byron, page 114 ²⁾).

«Онъ умеръ отъ скуки!» О тѣсная душонка Французская, лучинка бѣдная, осмѣливавшаяся судить горнило свѣта страдальческаго генія! Вѣрю, что ты можешь умереть со скуки посреди цвѣтистаго твоего пустословія; но Байронъ, Байронъ! Такая душа, какъ его, полно-

¹⁾ Съ подлинной рукописи, унаследованной мною отъ Ю. Н. Бартенева († 1866). П. Б.

²⁾ Должно быть, скука надѣлала много опустошеній въ этой душѣ. Вѣдь она изъ всѣхъ человѣческихъ болѣзней самая проклятая. Отсутствие всякой будущности, всякой надежды; горизонтъ, за предѣлами котораго не видать больше ни страсти, ни даже бѣдствія. Положеніе столь горестное. Лордъ Байронъ умеръ вслѣдствіе этой скуки (Жюль-Жансенъ, Новые повѣсти. Лордъ Байронъ, стр. 114).

вѣсная, черезъ край наполненная собою, могли ли когда подвергнуться оподлбнiю скуки? Байронъ могъ изныть отъ тоски, но спуститься до скуки, сравниться съ глупцомъ, изнемогающимъ подъ бременемъ ничтожества, не сродно феноменическому бытiю его. Души такiя, какъ Байронова, выступаютъ изъ круга обыкновеннаго. Онѣ вдругъ появляются на землѣ, какъ комета блуждающая. Откуда онѣ, какъ попали въ тлѣнiе, какой именно кругъ ихъ? Это задача, и рѣшить ее можетъ одна только вѣчность. Она одна имѣетъ ключъ и тѣхъ странностей, и тѣхъ несообразныхъ выходовъ, которымъ души сiи подвержены. Ходъ ихъ обыкновенно неправиленъ, урывистъ, по большей части не согласенъ съ общими правилами. Онѣ однѣ только понимаютъ себя, и человѣки напрасно стараются слѣдить причины неправильности ихъ дѣйствiй. Движимость побужденiй душъ сихъ опережаетъ медленность раскладокъ простаго разсудка, потому что переливы двигателя ихъ такъ скоры, какъ мысль и переменчивы такъ, какъ были бы судорожныя движенiя исполина, котораго втѣснили бы въ колыбель дѣтскую. Души таковыя могли бы объяснить тревожность свою немногими словами: «Хочу быть и любить», сказали бы онѣ; «мнѣ тѣсно, мнѣ душно на землѣ». Но какъ бы поняли ихъ тѣ, которымъ и не душно, и не тѣсно въ мiрѣ? Онѣ молчатъ и идутъ путемъ своимъ, какъ Байронъ, не оборачиваясь. Не находя ни сердца, ему единичнаго, ни событiя на землѣ тѣмъ великимъ мечтамъ, которыя составляли жизнь духа его, изнемогаютъ подъ обширностью сиротства души своей; чуждъ мiру, чуждъ человѣкамъ; не найти на всемъ лицѣ земли чистаго гнѣзда, куда бы уложить сердце, ибо и любви, и дружбы, и честолюбiя земныя пахнутъ тлѣнiемъ Байронъ въ изступленiи тоски бросался на мутныя питiя мiра. Душа его мерзла отъ прикосновенiя съ трупомъ симъ, отрывалась отъ каждаго со стовомъ; опять искала, опять обманывалась и, наконецъ, не найдя ни прiюта, ни пространства на землѣ, задохнулась собою, вспорхнула и возвратилась въ просторъ вѣчности.

Миръ тебѣ, духъ залетный, судьями не отечественными судимый! Миръ тебѣ, свѣтлая страничка вѣчности, въ паденiи на землю мiрскою пылью загрязнившаяся! Существо милое, загадочное, иногда отвратительное, ужасное, но во всѣхъ видахъ измѣненiй твоихъ занимательное, покойся! Ты окончилъ твое странствiе неудачно. Ошибкою ли залетѣлъ ты сюда, или—буква таинственная, пущенная изъ нѣдръ Провидѣнiя, ты прилетѣлъ къ намъ прошептать словечко вѣчности? Чтѣ бы ты ни былъ, миръ тебѣ! Покойся, труженникъ духа! Глотай свободно неизмѣримость, ту, которую ты такъ болѣзненно искалъ въ тѣснотѣ человеческой! Люби, будь и роскошествуй, распространяя въ безконечности огромность духа твоего!

Незнакомый. 1834-го года.

Если бы несчастный какой-нибудь, какъ Іовъ, покрытый съ ногъ до головы ранами, увидѣлъ бы вдругъ посреди кровавыхъ язвъ своихъ частичку тѣла здоровую, живыми соками жизни исполненную: какъ радостно посматривалъ бы онъ на нее, какъ дѣтски, кстати или не кстати, потрагивалъ бы, любуясь и забывая на время страданія, чтобы утѣшиться увѣреніемъ, что есть еще струйка жизни въ тѣлѣ его! Не такъ ли точно бываетъ и съ сердцемъ, когтями человѣческими царапанымъ, когда почувствуетъ оно святое прикосновеніе дружбы, благодарности, елеино протекающее по царапинѣ его? О, какъ живо ощущаетъ оно нѣжность прикосновенія этого! Какъ сладокъ стройный голосъ любви для уха, мелодію любвей позабывшаго! Какъ отрадно видѣть, что есть еще живые между мертвыми!

Я лежала больная, лежала пять мѣсяцевъ, одна, съ воспоминаніями, перечитывая всѣхъ тѣхъ, чье сердце могло бы подать мнѣ утѣшеніе. Десятилѣтняя моя Саша и собачка моя Пери были единственные неразлучные товарищи моего одиночества. Въ одинъ вечеръ докладываю мнѣ, что какой-то *незнакомый* настоятельно требуетъ повидаться со мною. Незнакомый! О, какъ дико, какъ скучно это слово сердцу тому которое и тѣхъ забыть еще не можетъ, которые съ нимъ раззнакомились! Но на что оскорбить и незнакомаго? Миловидный, орденами и просвѣдью покрытый человѣкъ ворвался въ комнату, бросился ко мнѣ со слезами и, цѣлуя руки мои, называлъ меня сто разъ благодѣтельницею. Трогательная благодарность его говорила живо сердцу моему, но память отказывалась разрѣшить загадку. Вотъ она.

Лѣтъ 35 тому назадъ, однажды, пока одѣвалась я, собиравсь ѣхать на вечеръ къ свѣтлѣйшему Лопухину, одна пріятельница моя намарала мнѣ записку о молодомъ человѣкѣ, котораго желала она опредѣлить въ службу. Съ записочкой въ рукахъ, я пріѣхала къ князю. Молодой человѣкъ былъ принять, записанъ и, служа всегда отлично, дослужился уже до чина статскаго совѣтника и званія Виленскаго почтмейстера, когда мы съ нимъ увидѣлись.

О добрый, почтенный мой Имбергъ! Милый памятникъ незаслуженной благодарности *)! Я безопасно, вѣтренно бросила на ниву воз-

*) См. Записки Имберга въ „Рускомъ Архивѣ“ 1870 года. Это, если не ошибаеся, племянникъ Екатерины Любимовны Шумицкой, матери братьевъ Бугаиновыхъ.

возможностей сѣмя твоего счастья; а ты, благородная душа, хранишь въ сердцѣ твоёмъ память руки, такъ небрежно на поприще дѣятельности и счастья тебя толкнувшую. Ангелъ добрыхъ дѣлъ записалъ подвигъ твой и какъ святыню собралъ капли слезъ, которыя сверкали въ глазахъ твоихъ. Но увы, что подумалъ мой ангель-хранитель, когда, отпустивъ тебя, ретивое сердце мое, вздохнувъ, примѣнить къ себѣ осмѣлилось священныя слова: «Ихъ было десять, куда-жъ дѣвались остальные девять?!!»

Дружба твоя часто требовала отъ меня какой нибудь характеристической черты жизни моей, а я всегда отпѣкивалась, всегда старалась ускользнуть отъ твоего надояательства. Есть вещи, которыя выговорить трудно и часто въ сердцѣ до которыхъ дотронуться опасно. Немного словъ могутъ объяснить тебѣ мірской быть мой, но въ короткихъ словахъ этихъ все бытіе мое заключается. Я попала въ жизнь, пролетѣла мимо нея, какъ стрѣла мимо цѣли!

Мужъ мой былъ человѣкъ добрый, любилъ меня любовью мужа и человѣка; но мы другъ друга не понимали, говорили не однимъ языкомъ; онъ ходилъ по землѣ, а я носилась въ вихрѣ талантовъ и воображенія. Ему лѣнь было дотягиваться до меня, а я не догадывалась спуститься. Впрочемъ онъ уважалъ меня, гордился моими талантами, вызывалъ меня, какъ заморскую птичку; но хвастовство это похоже было на то, съ какимъ показываютъ купленную случайно вазу, которую, переказавъ всѣмъ гостямъ, ставятъ на мѣсто и не вспоминаютъ уже о ея существованіи. Счастье покупки, если догадаются покрыть ее кофлакомъ хрустальнымъ; но у меня и того не было; и пылъ міра была въ правѣ загрязнить, какъ хотѣла, беззащитность мою.

Лишась дѣтей (трехъ сыновей въ теченіе шести мѣсяцевъ), сердце мое осиротѣло еще болѣе. Дотоль какая-то тѣнь единства существовала между нами, мы были еще—*мы*; мое и его были еще *наше*; но съ развязкою узла, который насъ нѣсколько связывалъ, мерзлая черта полярная пересѣкла супружество наше... Я—*онъ* замѣнили *мы* семейственное. Злые люди, расчетъ чужаго корыстолюбія и, не скрою отъ тебя, мое собственное легкомысліе, тягость мучительная носить одной бремя бытія своего, довершили послѣднее.

Такимъ образомъ, какъ говоритъ Байронъ, «жизнь моя была сраженіе и каждое чувство сердца—рана». Опустѣлое сердце, привыкшее любить и быть любиму, искало уйти отъ пустоты одиночества. И дружба, и благодѣянія, и любви святыя, всѣ эти обманы сердечныя, всѣ

были испробованы, и каждый унесъ съ собою живой клочекъ отъ бытія моего. Тебѣ извѣстно, какими глубокими язвами ископали чело-вѣки самыя чистѣйшія частички сердца моего. Поощажу живыхъ и мертвыхъ, не позволяя себѣ ни обличенія, ни оправданія и, завернувъ голову плащемъ, скажу только: знать такъ было мнѣ на роду написано!

Ich habe viel gelitten
In dieser schönen Welt;
So manchen Kampf bestritten,
So manchen Wuch verfehlt! *)

Б ы л ь.

Что могло бы быть причиною, что иногда безъ всякаго къ тому побужденія сердце томно, печально, воображенія нѣтъ, способности разумными тяжело дремотою задавлены, и весь человѣкъ вдругъ поглупѣлый не похожъ на человѣка вчерашняго: напротивъ, въ иное время, тоже самое вдругъ легко, покойно, весело, и воображеніе, перебрасывая воспоминанія мичикомъ, играетъ ими, какъ дѣти любимую куклою? Психологія ли или медицина или другое какое жмурочное исканіе чело-вѣческое разрѣшить задачу эту—не вѣдаю; знаю только, что она въ существѣ чело-вѣческомъ и что и я сегодня—вчерашняя. Мнѣ свѣтло, просторно, весело, и если бы только перо было очинено и бумага не такъ шероховата, и брызнула бы тебѣ премилую сказочку, изъ кладовой старыхъ былей вытащенную. Но ряды бумаги, какъ колеи мерзлой дороги, мѣшаютъ легкому ходу пера и мыслей; я принуждена черезъ нихъ перепрыгивать и зацѣпляться на каждой строчкѣ. Прошу не прогибаться, если и повѣсть моя шероховата; въ ней только и складу, что это—быль, точно случившаяся.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, славною матушкою Россіею называемомъ, при императрицѣ Екатеринѣ, въ городѣ Архангельскѣ (фу, братъ, какъ тамъ холодно, хуже нашего Петербургскаго) жилъ-былъ нѣкто, вице или контръ-адмиралъ Борисовъ, вѣро-ятно на службѣ царской. Онъ и жена его были люди честные, добродѣтельные, однимъ словомъ Русскіе во всемъ отношеніи милаго этого имени. Они жили тѣмъ священнымъ духомъ блаженнаго вѣка стародовскаго, отъ воспоминанія котораго всякое святое сердце Русское за-вдыхается. Не было у нихъ прихотей роскоши, не было бронзъ бле-

*) И много страдала въ этомъ гнусномъ мірѣ, вынесла не разъ борьбу, не разъ

освѣщенную. Нѣсколько саней стояло у крыльца, и народъ толпился въ двери. «Что тутъ такое дѣется?» проворчалъ онъ, и ноги подѣвѣющіяся поволоклись, какъ могли, къ предмету любопытства. Матросъ его команды ожидалъ тутъ своей суженой. Брачный палой стоялъ уже посреди церкви; вотъ уже и невѣсту привели посаженные, подъ ножки разостлали, и хорошенькая дѣвочка протягивала уже ножку ступити первую, какъ пьянога мой, протѣснясь сквозь поѣзжанъ и дружекъ, отвѣсилъ тумакъ матросу и столкнулъ его съ мѣста. «Тебѣ ли, дуракъ, жениться на этой кралячкѣ, пошелъ прочь; гей батько, вѣнчай меня съ нею». Не знаю, что происходило въ сердцѣ матроса, по субординаціи уступившаго невѣсту свою; не знаю, что и она въ это время думала; не вѣдаю и того, какъ попъ согласился обвѣнчать налетную свадьбу эту; знаю только то, что пьяный Борисовъ полнымъ обрядомъ церковнымъ обвѣнчанъ съ хорошенькою Машенькою и что, вмѣсто избушки матросовой, свадьба вмѣстѣ съ молодыми повернула къ квартирѣ Борисова.

Что почувствовалъ бѣдный дядька, какъ увидѣлъ новую проказу барича, всѣ прежнія перещеголявшую. Напрасно, обливаясь слезами, искалъ онъ увѣрить себя, что видимое имъ остатокъ святочныхъ привидѣній: вопль свадебной ватаги, поздравленіе новобрачныхъ и звукъ опоражниваемыхъ за здоровье ихъ флягъ, не переводившихся у Борисова, не оставляли мѣста сомнѣнію. Старикъ ушелъ въ избу доплакивать горе. Между тѣмъ шумъ пирующихъ утихъ мало по малу; гости одинъ за другимъ разѣхались. Борисовъ, на ногахъ не стоящій, свалился, какъ снопъ на постель и захрапѣлъ крѣпкимъ сномъ пьянаго

Настало, наконецъ, утро. Пары хмѣля проспаны; ставни отворились, и удивленіе Борисова было несказанно, увидя товарища въ постелѣ своей. «Ба, Машка, это ты какъ очутилась здѣсь?» — Какъ, батюшко, развѣ я не жена твоя? — «Ты жена моя! Что ты врешь, дура!» — Неужели же забылъ ты, что мы вчера съ тобою повѣнчаны? Борисовъ протиралъ глаза, старался собраться съ мыслями, но мозгъ, воспаленный виномъ, отказывалъ сообщенію. Между тѣмъ товарищи шалостей, провѣдавъ о новомъ подвигѣ ухарства Борисова, сѣвшили поздравить его и посмѣяться новому молодечеству. Борисовъ началъ, наконецъ, вѣрить, что онъ подлинно женатъ, и когда морозъ по кожѣ подиралъ его при памяти отчета, которымъ обязанъ онъ былъ родителямъ о жевитьбѣ своей, матушка-фляга приходила на помощь трезвости и утоляла въ винѣ угрызенія совѣсти. Такъ прошла зима, а съ весною настало время садиться на корабли, крестировать по морю.

Простимся на время съ повѣсою Борисовымъ и заглянемъ на стариковъ нашихъ Архангельскихъ. Несчастнѣй дядька, горестнѣй очевидецъ всего случившагося, на другой же день съ разсвѣтомъ пустился въ дорогу. Родительскій гнѣвъ и тяжелую скорбь ихъ легко вообразить можно. Утопая въ слезахъ, дядька валялся въ ногахъ ихъ, укоряя себя въ пагубномъ молчаніи. Любовь къ господамъ удерживала досель въ сердцѣ его тайну, столь пагубныя слѣдствія наростившую. Но что принесли бы и угрозы родителей? Достаточны ли были бы онѣ удержать буйную голову, на пропахъ пустившуюся? Раздраженный отецъ написалъ къ сыну грозную грамоту; объявилъ, что никогда не признаетъ жену его невѣсткою и что, лиша его присылаемой ежегодно помощи въ наказаніе распутства, пишетъ къ начальнику эскадры откомандировать его на три года въ какую нибудь дальнюю экспедицію.

Долго старики горевали, долго страдальное сердце женское крушилось скорбью материнскою; но на сердцѣ заостенѣломъ отъ старости борозды воспоминаній не такъ глубоко врѣзываются. Время убавило первый пылъ горести; вѣрныя Богу сердца покорились тяжкому испытанію и, изливая на ближняго участокъ любви, отнятой у преступнаго сына, выдумывали новыя любленія, которыми заживить бы могли раны, нанесенныя любовью прежнею.

Однажды, горюя вдвоемъ и разговаривая о предметъ незабываемомъ, они услышали вдругъ стонъ подъ окошкомъ. Крестянка съ котомкою на плечахъ сидѣла на бревешникѣ, перевязывала ноги, истертыя до крови и горько, горько плакала. «Откуда ты, голубушка?» — «Я сирота несчастная, пришла сюда поискать мѣста заработать себѣ на пропитаніе, но силъ недостаетъ уже, а пріютиться некуда». Излишнее, кажется, сказать, что крестянка была приарѣна, истертыя ноги вылечены, страннической скарбъ ея умноженъ рукою благотворенія.

Благодарность Агафьи, расторопное усердіе и неусыпное рвеніе всегда опережать желанія господъ своихъ, не могли не тронуть любовныхъ сердецъ благодѣтелей ея; и когда время идти искать службы для нея настало, старики сами предложили ей остаться въ домѣ ихъ. Два года слишкомъ служба господамъ своимъ, не соглашаясь никогда получать платы, сперва работница, потомъ довѣренная и, наконецъ, другъ семейства, Агафья сдѣлалась для нихъ существомъ необходимымъ, теплымъ гнѣздушкомъ, въ которое складывали они свои печали и радости.

Время наказанія шалуна истекало уже. Командиръ эскадры увѣдомлялъ старика, что сынъ его исправился, за отличіе представленъ къ